

Актуальные проблемы методологии правоприменения и экспертизы

// Вест. Моск. ун-та. Серия 11. Право. № 5. 2011.

В структуре правовой деятельности правоприменение представляет важнейший элемент, обеспечивающий ее эффективность. Наиболее актуальными являются проблемы структуры и механизмов правоприменительной деятельности, как предпосылки формирования ее информационных технологий. В связи с этим рассматриваются проблемы истины и экспертизы в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: методология права, методология правоприменения, механизмы правоприменения, принцип истины, проблемы экспертизы.

Law application is important element of law activity. The issues of structure and mechanisms of law application is the most actual as the conditions of creation of informative technology. In that context problems of truth and examination are considered.

Keywords: law methodology, law application methodology, mechanisms of law application, principle of truth.

Современное состояние и актуальные проблемы методологии правоприменения. В современной отечественной литературе по теории и методологии права проблемы методологии правоприменения не получили необходимой разработки. Исторически это, на наш взгляд, объясняется тем, что главной всегда считалась и считается проблема методологии собственно права, его создания и систематизации. Многие из ведущих теоретиков права оставляют проблемы методологии правоприменения вообще без рассмотрения. Так, в работе С.С. Алексеева, посвященной философии и теории права, мы не находим даже подходов к пониманию правоприменительной деятельности и методологии этой деятельности¹. Эти проблемы остаются за пределами специального исследования и других ведущих специалистов по теории права². Даже в работах, специально посвященных методологии права, темам методологии правоприменения не уделяется специального внимания³. В связи с этим возникает вопрос: нужна ли праву методология правоприменения? Несмотря на кажущуюся ясность и очевидность ответа, в действительности он оказывается не столь однозначным.

Проблема уходит в соотношение нормы права и правовой деятельности как объектов правовой науки. На философском уровне эти категории можно рассматривать только как соотношение формы и содержания, поскольку процесс есть форма жизни права. Единство этих категорий как предмета правовой науки вряд ли можно оспаривать.

Вместе с тем, в отдельных отраслях правовой науки это единство отрицается или остается под вопросом. Так, в уголовно-процессуальной науке в настоящее время отчетливо выражены две концепции предмета - как системы права и как уголовно-процессуальной деятельности в системе права. Первая абстрагируется от деятельностного подхода при исследовании права, вторая исходит из содержательного анализа правоприменительной деятельности, регулируемой правом.

Постсоветское процессуальное законодательство связано с коренной ломкой концептуальных положений советского процессуального права.

Ныне действующий УПК РФ в концептуальном плане обозначил тенденцию отказа от процессуально-познавательной концепции и воспринял ряд положений принятой в англо-саксонском праве процессуально-процедурной концепции⁴.

¹ См.: Алексеев С.С. Философия права. М., 1999; Общая теория права. М., 2008.

² См., напр.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2008.

³ См.: Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008.

⁴ См.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту,

Нельзя отрицать, конечно, правомерности самостоятельного анализа процессуального права как самостоятельной информационно-правовой системы. Однако также нельзя отрицать, что функция этой системы, ее жизнеспособность и эффективность могут быть оценены только по результатам применения права.

Наиболее ярким представителем процессуально-познавательной концепции в области уголовного процесса является виднейший представитель советской процессуальной науки профессор М.С.Строгович. Эта концепция последовательно выражена в УПК РСФСР 1961г. Поэтому на уровне общей методологии права всякий отрыв формы от содержания, нормы от деятельности является ошибочным.

Особенно важно это в системе юридического образования при обучении студентов, при передаче знаний и навыков профессиональной юридической деятельности, в которой форма и содержание права сливаются, норма и деятельность существуют в органическом единстве. Существенный недостаток современного юридического образования состоит как раз в существенном разрыве полученных знаний и практических навыков.

Концептуальное противопоставление формы и содержания права, правовой нормы и правовой деятельности привели за последнее десятилетие к существенным деформациям всей правовой системы, начало которым было положено изданием нового уголовно-процессуального кодекса, исключившего принцип истины из числа законодательных принципов процесса. Отказ от принципа истины как конечной цели процесса, замена его производными процедурными принципами означали подмену общей содержательной парадигмы уголовного процесса его процедурной формой.

Рассматривая доказывание как предписанную законом процедуру установления истины по судебному делу, необходимо выделить в задаче доказывания содержательную (истина) и нормативно-правовую (процессуальное регулирование) составляющие.

При всей своей значимости процессуальная форма, как и любая форма, является лишь средством представления и выражения содержания. Без фактического содержания, без истины (или с фиктивной, искаженной истиной) процессуальная форма теряет смысл, извращает задачи правосудия. В числе всех принципов процессуальной деятельности принцип истины является единственным интегральным принципом высшего иерархического уровня. Именно он обеспечивает системность, целостность и сущность процессуальной деятельности, ее системное своеобразие и существенное отличие от всех других видов человеческой деятельности.

Только рассмотренным в такой системе принципам состязательности и непосредственности и функциям обвинения и защиты может быть дано истинное истолкование. Все они как системные процессуальные институты являются средствами реализации высшего иерархического принципа истины.

Противопоставленные вне рамок объективного расследования, функции обвинения и защиты не дополняют, а взаимно исключают друг друга: обвинение невиновного, защита любыми средствами, вплоть до фальсификации доказательств.

В соответствии с общей концепцией и структурой российского процесса за истинное в нем принимается знание, полученное не каким-либо отдельным участником судебного процесса на его отдельной стадии, а как результат реализации всех предусмотренных законом процессуальных средств ее достижения, как общий, совокупный итог процессуальной деятельности.

В соответствии с этой концепцией для каждого отдельного участника истина

выступает не как запрограммированный результат его деятельности, а как принцип, которым он должен руководствоваться. На каждой отдельной стадии процесса каждым отдельным участником достигается информационное наполнение интегральной информационной модели истинного знания, построенной на основе общих принципов доказывания в соответствии с процессуальной функцией каждого участника процесса.

Установление истины вообще не может рассматриваться как задача деятельности отдельного участника процесса, отдельного института и даже отдельной стадии процесса. Истины как процессуальной категории нет ни в постановлении о возбуждении дела, ни в исковом заявлении, ни в обвинительном заключении, ни даже в судебном решении, поскольку оно может быть отменено вышестоящей инстанцией.

Истина есть высший принцип всей процессуальной деятельности, выражающий общую идею и парадигму правосудия.

В юридической теории и практике правоприменения отказ от принципа истины в процессе был воспринят как сигнал к общей формализации процессуальной деятельности. Тяжелые деструктивные последствия этой тенденции прослеживаются во многих областях правовой науки и деятельности. Особенно это касается сфер деятельности и дисциплин уголовно-правового цикла, в которых применение права в настоящее время связано с содержательными аспектами правоприменительной деятельности: розыск, расследование, доказывание, экспертиза.

О негативных и деструктивных последствиях заимствований, произведенных в российском уголовно-процессуальном праве, свидетельствует тот факт, что уже за недолгий период действия нового УПК в него пришлось внести рекордное по сравнению с любым другим российским кодексом количество дополнений и изменений.

Приведем в качестве примера только две нормы.

Положение ст. 223 УПК, ограничивавшее компетенцию органов дознания делами, возбужденными против конкретных лиц, привели к тому, что за период с 1 июля 2002г. по июнь 2007 г. примерно двум миллионам граждан, пострадавшим от преступлений, не была обеспечена реализация их конституционного права на доступ к правосудию и возмещению нанесенного им ущерба.

Введенная ч. 5 ст. 108 УПК процедура заключения под стражу обвиняемых привела к тому, что за 6 лет действия УПК более 100 тыс. подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, не только остаются безнаказанными, но и продолжают совершать преступления.

Этот нормативный документ (УПК) по существу перестал быть кодексом, под которым понимается стабильный высшего уровня нормативный акт, формулирующий правовую концепцию и политику государства на долговременный период.

Данные деструктивные последствия проявились и в состоянии преступности. Интегральным показателем качества правоприменительной деятельности в этой сфере являются показатели раскрываемости преступлений.

Обозначилась четкая тенденция последовательного роста числа нераскрытых преступлений. В настоящее время, несмотря на прекращение и снятие с учета за давностью сотен тысяч преступлений, так и оставшихся нераскрытыми, общий массив нераскрытых преступлений вырос еще в два раза и к началу 2009г. составил 20 млн.⁵

Коррупция, организованная преступность, терроризм, тяжкие экономические преступления представляют угрозу национальной безопасности.

---

⁵ По материалам семинара Академии управления МВД // Вестн. криминалистики. 2009. Вып.1(29). С. 158.

Приведенные данные свидетельствуют о весьма низкой эффективности деятельности оперативно-розыскных, следственных и судебных органов, т.е. всей правоприменительной системы.

Абстрактно-догматический и формально-юридический подходы, уместные при анализе понятий и категорий права, оказываются совершенно недостаточными при анализе правоприменения как системы деятельности. Чисто теоретические и абстрактно-догматические методы исследования здесь недостаточны. Необходима методология правоприменительной деятельности, в качестве объекта которой выступает сама деятельность правоприменителя и задачей которой является ее оптимизация, повышение эффективности.

К сожалению, значительная часть теоретико-правовых исследований, отстаивающая «чистоту» теоретического анализа, весьма далека от решения этих задач. «Отстаивание подобной чистоты данной науки, - справедливо отмечает Д.А. Керимов, - оборачивается против ее самой, обрекая ее на изолирование, ограничение, узость»⁶.

Следует согласиться с Ю.А. Тихомировым, указывающим в своих работах на необходимость создания новой концепции реализации права в России⁷.

Проблема взаимодействия юридических и естественно-технических наук. Тенденция формализации процесса вступает в явное противоречие с общеметодологической аксиомой о взаимодействии гуманитарных и естественно-технических наук, уже давно воспринятых в экономике, социологии, управлении и др.

Особо актуальной стала эта проблема в связи с правовой реформой и необходимостью оптимизации правоприменительной деятельности на основе использования новых информационных и технологических возможностей. Актуальность проблемы возрастает в связи с активным вторжением в эти сферы современных информационных и научно-технических методов и технологий. Это привело к появлению новых источников судебных доказательств и новых методов и процедур доказывания.

Указанные процессы наряду с существенным расширением информационной базы и возможностей доказывания породили ряд новых проблем.

Научный аппарат и инструментарий естественных и технических наук в ряде случаев не соответствует принципам, понятиям и терминологии, используемым в праве. Это приводит к существенным осложнениям и снижает эффективность взаимодействия технических и юридических систем и процедур.

Сошлемся в этой связи на два фундаментальных для процесса правоприменения понятия - «документ» и «идентификация», трактовка которых в федеральных законах об информатике и информатизации⁸ не соответствует содержанию этих понятий в теории доказательств, в криминалистике. Это вызывает разночтения и существенно снижает эффективность правоприменительной практики.

Как видно из сказанного, эффективность этого взаимодействия требует совместных усилий ученых, практиков и законодателей на основе методологии права, общей методологии науки и практических задач правоприменения.

В практике расследования и доказывания нередко возникают трудности в оценке и использовании таких источников, как электронные сообщения, заключения

---

⁶ См.: Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права / под ред. М.Н.Марченко. М., 2007. С. 15.

⁷ См.: Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М., 1972; Административное право и процесс. М., 2001; Теория компетенции. М., 2001; Проблемы развития процессуального права // Судебная реформа в России. М., 2001; Юридический конфликт: сферы и механизмы. М., 1994.

⁸ Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995г. № 24-ФЗ; Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ (ред. от 08.11.2007); Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» (принят ГД ФС РФ 13.12.2001).

экспертов по материалам дела, заключения лингвистических и психологических экспертиз, одорологические эксперименты, допросы с применением полиграфа и др. Традиционные классификации и понятийный аппарат теории судебных доказательств оказываются в этих условиях недостаточными и требуют новых подходов и инструментов анализа.

Одной из актуальных проблем современного судопроизводства является проблема нормативно-правового регулирования использования информации, поступающей из не процессуальных источников и полученной с применением специальных познаний. В связи с практически неограниченным кругом используемых при этом источников и методов такое регулирование обладает ограниченными возможностями. В связи с этим особое значение приобретают научно-выработанные методические принципы использования такой информации и основанные на них правила доказывания.

Традиционная теория судебных доказательств базируется на логическом анализе ее понятийного аппарата и толковании связанных с процедурой доказывания норм закона и практики его применения. До известного времени такой методологический подход вполне соответствовал уровню науки и требованиям правоприменения. В настоящее время в связи с качественными изменениями во всех сферах жизни общества и правовой системе РФ, достижениями научно-технического прогресса появилась возможность и необходимость использования новых инструментов анализа судебных доказательств. Речь идет о возможностях структурного, деятельностного и информационного подходов, показавших свою плодотворность при анализе любых систем деятельности, в том числе, криминальной, криминалистической и доказательственной.

Проблема взаимодействия юриспруденции с науками естественно-технического профиля при разработке стандартов юридического образования.

Участие России в Болонском процессе и подготовка соответствующих стандартов юридического образования по-новому поставили проблему модели специалиста-юриста.

Действующий стандарт юридического образования и проекты новых стандартов⁹ не отражают требований, вытекающих из концепции взаимодействия гуманитарных и естественно-технических наук. В модели специалиста-юриста широкого профиля заложено противоречие с общей концепцией высшего специального профессионального образования, предусматривающей подготовку к **конкретному** виду профессиональной практической юридической деятельности (судья, следователь, адвокат, юрисконсульт, эксперт и др.).

В соответствии с данной концепцией в стандарты специализации должны включаться именно те блоки знаний и навыков, которые необходимы для решения специальных практических задач данной специальной профессиональной деятельности. В настоящее время эта концепция реализована во всех видах профессиональной подготовки (инженерной, медицинской, экономической, финансовой, военной и др.).

Если же отстаивается концепция широкого профиля, она должна быть ориентирована на блоки знаний и навыков, **общих** для всех юридических профессий. К ним относятся проблемы теории и методологии права и правоприменения, рассматриваемых с позиций системного, деятельностного и информационного подходов.

К числу интегральных задач любой правоприменительной деятельности отно-

---

⁹ Проект одобрен Президиумом Совета УМО по юридическому образованию высших учебных заведений Российской Федерации (протокол № 9 от 02.07.2008г.).

сится задача установления юридических фактов, которая ставится перед правоохранительными органами (МВД, ФСБ, прокуратура и др.) как задача раскрытия и расследования преступлений. Она выражена в процессуальном требовании обоснованности судебных решений и доказанности его фактических оснований (ст. 296, 299 УПК РФ, 124 АПК РФ). Она присутствует в структуре принятия любого правового решения в качестве его фактического основания. Без точного установления фактов юристу нечего «толковать» и «квалифицировать», ибо отсутствует фактический базис принятия юридических решений.

Существенно подчеркнуть при этом, что информационный канал, используемый для установления юридических фактов в форме источников информации, является общим для всех видов профессиональной юридической деятельности (ОРД, следствие, адвокатура, суд и др.). Общность информационной базы правоприменения во всех видах профессиональной юридической деятельности обуславливает общность методов и технологий правоприменительной деятельности. Именно поэтому теория, методология и технологии правоприменительной деятельности могут и должны рассматриваться как инвариант и базовый фундамент модели современной подготовки специалиста-юриста.

Между тем в действующем стандарте отсутствуют блоки знаний, совершенно необходимых юристу широкого профиля для его ориентировки и принятия решений в типовых проблемных и конфликтных юридических ситуациях. К числу таких блоков относится судебная экспертиза, аккумулирующая комплекс проблем, связанных с использованием в системе правосудия возможностей современной науки и техники и достижений научно-технического прогресса.

На службе правосудия в настоящее время находятся технически оснащенные учреждения государственной судебной экспертизы в системе Минюста, МВД, ФСБ, Минздрава, Таможенного комитета, обладающие многотысячным кадровым потенциалом. Существует глубокая профессиональная специализация экспертов, позволяющая решать сложнейшие задачи по установлению юридических фактов в любых областях правоприменительной деятельности.

Проблема взаимодействия юридического и естественно-технического знания осложняется колоссальным объемом и глубокой специализацией экспертных знаний. Существующая практика такого взаимодействия имеет весьма низкий полезный коэффициент даже при больших затратах учебного времени.

Она сводится к тому, что читаются **общие** курсы научных дисциплин (по судебной медицине, психологии, кибернетике и др.) **вне связи с** технологиями решения типовых профессиональных задач юриста(!). Между тем каждая из таких задач требует для своего решения своего блока знаний из соответствующей науки. Так, для решения задачи восстановления памяти свидетеля используется учение об ассоциативных связях, а для решения конфликтных ситуаций - мотивационный блок знаний. Вместе с тем для решения *каждой* из таких профессиональных задач, как правило, требуется привлечение специальных знаний и из ряда наук: криминалистики, логики, психологии, психиатрии, полиграфологии и других специальных наук, используемых в алгоритмах современных информационных технологий.

При чтении общих курсов на самого студента возлагается задача формирования таких алгоритмов и технологий. Нетрудно понять, что эта задача является невыполнимой, и это делает существующую систему рассматриваемого взаимодействия совершенно неэффективной.

Для эффективной модернизации системы рассматриваемого взаимодействия в стандарт юридического образования должен быть включен образовательный блок,

синтезирующий возможности использования специальных знаний в правоприменительной деятельности. Структура этого блока должна быть построена на классификации правоприменительных задач и соответствующих им информационных технологий. Так, например, задаче принятия правовых решений будет соответствовать теория решений и информационные технологии принятия правовых решений; задаче идентификации будет соответствовать общая теория, методология и технологии идентификации; задаче установления причинной связи - теория, методология и технологии исследования причинной связи. В методическом плане каждой из указанных задач будет соответствовать учебный курс или спецкурс.

С неожиданной остротой проблема взаимодействия юриспруденции с науками естественно-технического профиля выступила в деятельности ВАКа.

Проект новой классификации научных специальностей предусматривает выделение науки уголовно-процессуального права в самостоятельную специальность из специальности 12.00.09, в структуре которой она в настоящее время связана с другими дисциплинами, исследующими уголовно процессуальную деятельность.

Представляется, что это предложение противоречит концептуальным положениям теории и методологии права и закономерностям возникновения и развития самой науки уголовно-процессуального права.

1. В данном предложении отражена тенденция формализации уголовно процессуального права, обозначившаяся после издания нового УПК, исключившего принцип истины из числа законодательно предусмотренных принципов уголовного процесса. Последовательный отрыв формы процессуальных действий от их информационного содержания превращает уголовно-процессуальный закон в чисто абстрактную модель, а судебное решение в акт, не имеющий реальной связи с действительностью. К чему это приводит в законотворческой деятельности, уже видно по новому УПК, показавшему свою несостоятельность в качестве стабильного правового регулятора. В практике же потеряны базовые ориентиры на цели и принципы правоприменительной деятельности.

2. Рассматриваемое предложение противоречит важнейшей регулятивной функции права. Основная функция уголовно-процессуального права состоит в регулировании деятельности органов дознания, предварительного расследования и суда. При этом правовое и информационное обеспечение этой деятельности неразрывно связаны между собой. Правовое регулирование этой деятельности не может осуществляться без учета ее структуры и информационного содержания, точно так же как реализация этой деятельности должна осуществляться в рамках закона.

Нельзя управлять процессами без знания их закономерностей. Принятие предложения о выделении науки уголовного процесса из комплекса дисциплин специальности 12.00.09 в самостоятельную специальность неизбежно будет препятствовать как развитию науки уголовного процесса, так и практике правоприменения в данной отрасли права. Не скажется это выделение положительно и на развитии криминалистики, наук ОРД и судебной экспертизы.

Проблема экспертизы в праве. В условиях рыночной экономики ранее ничтожная потребность в экспертных оценках структуры финансовой, хозяйственной, торговой, производственной и иных видах деятельности неизмеримо выросла.

В России возник свободный рынок «экспертных услуг», не имеющий ни должного правового регулирования, ни научного обоснования, ни технологического обеспечения. Сложилось положение, при котором экспертиза как инструмент принятия ответственных правовых и управленческих решений потеряла свою специфику, опустившись до уровня «прочих коммерческих услуг».

Приведем некоторые характеризующие данную ситуацию факты.

1. В стране отсутствует общедоказательный закон об экспертной деятельности и соответственно общий правовой режим одного из важнейших атрибутов и инструментов правового государства (интересно отметить, что подобные законы уже изданы даже в некоторых государствах постсоветской зоны, например, закон о судебной экспертизе республики Казахстан).

Судебно-экспертная деятельность государственных учреждений судебной экспертизы регулируется федеральными законодательными актами и процессуальными кодексами¹⁰, которые, однако, никак нельзя рассматривать как общую систему нормативного регулирования экспертной деятельности.

В связи с этим стихийно возникший в условиях рыночной экономики «рынок экспертных услуг» и мощная общероссийская сеть негосударственных учреждений экспертизы фактически находятся вне сферы правового регулирования.

2. Экспертная деятельность, в том числе судебно-экспертная деятельность, не отнесена к числу видов деятельности, требующих лицензирования¹¹, а также обязательной сертификации и аккредитации¹².

3. В России отсутствует общегосударственная система, осуществляющая единое научно-методическое, кадровое, финансово-экономическое и технологическое обеспечение данного вида деятельности, хотя существуют параллельно действующие и неоправданно дублирующие друг друга ведомственные системы государственной экспертизы с мощным кадровым и финансово-хозяйственным обеспечением¹³.

Таким образом, в стране отсутствует общий режим правового регулирования экспертной деятельности, а сама экспертная деятельность не рассматривается, как вид деятельности, требующей координации и поддержки на общегосударственном уровне.

Указанные системные изменения структуры и статуса экспертной деятельности в России и в первую очередь ее коммерциализация на уровне негосударственных экспертных систем привели к очевидным деформациям¹⁴ и качественным изменениям ее уровня.

Само понятие «экспертная деятельность» как института и категории права подменено понятием «экспертные услуги» как рыночной категории. Между тем остается бесспорным положение о том, что доказательства, порождаемые экспертизой, так же

---

¹⁰ Кодекс РФ об административных правонарушениях. ФЗ от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ; УПК РФ от 22.11.2001г.; ГПК РСФСР от 01.10.1964г.; АПК РФ от 05.05.1995г. № 70-ФЗ; О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. № 73-ФЗ от 31.05.2001г.

¹¹ Федеральный закон о лицензировании отдельных видов деятельности от 13 июля 2001г. в ред. ФЗ от 18.07.2009 № 177-ФЗ. Оценка значимости экспертной деятельности законодателем особенно ясно прослеживается на фоне того, что этим законом к числу лицензируемых отнесена нотариальная, страховая, защита интеллектуальной и некоторые другие сопоставимые по значимости виды деятельности.

¹² См.: ФЗ от 27.12.2002 (ред. 18.07.2009) «О техническом регулировании» (принят ГД ФС РФ 15.12.2002).

¹³ Ведомственные системы экспертной деятельности, с одной стороны, дублируют друг друга, умножая материальные издержки, а с другой - не обеспечивают ее нормального функционирования. Так, наиболее мощные ведомственные экспертные системы МВД-ФСБ, действуя в рамках своих уставных функций, не вправе осуществлять судебно-экспертную деятельность.

¹⁴ Именно так следует оценивать закон об оценочной деятельности (Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» № 135-ФЗ от 29 июля 1998).

Оценка стоимости товара, вещи как элемент традиционной товароведческой экспертизы, осуществляемой в установленной законом процессуальной форме, выделен в категорию «оценочная деятельность», осуществляемая в рамках лицензируемой коммерческой процедуры.

Поскольку оценка собственности всегда порождает существенные правовые последствия и затрагивает охраняемые законом права и интересы граждан, она во всех коллизионных ситуациях требует именно экспертной процессуальной процедуры.

как и основания правовых и управленческих решений, не могут находиться в сфере рынка.

В сфере самого рынка возникло множество проблем, связанных с фальсификацией экспертных услуг и ошибочностью принимаемых на их основе правовых и управленческих решений. Сложившаяся ситуация требует как серьезного научного анализа института экспертизы, так и его адекватной правовой и управленческой защиты как одного из наиболее эффективных инструментов развития современного информационного высокотехнологичного и демократического общества.

В связи с изложенным к числу неотложных задач правотворческой деятельности следует отнести подготовку и издание федерального закона об экспертной деятельности в Российской Федерации.

К числу неотложных и важнейших задач совершенствования структуры государственного аппарата управления Российской Федерации относится, по нашему мнению, создание межведомственного федерального центра экспертизы, обеспечивающего единую научно-техническую политику и координацию деятельности всех действующих на территории РФ экспертных учреждений и систем.

Чрезвычайно актуальной представляется в связи с этим инициатива юридического факультета МГУ о создании на базе МГУ *центра независимой экспертизы МГУ как общегосударственного органа разработки и решения правовых, методологических, методических, технологических и научно-практических проблем по узловым и наиболее актуальным направлениям государственного и общественного развития.*

Нам представляется целесообразным в связи с этим в концепции центра учесть следующие замечания и предложения.

1. Поскольку в настоящее время под термином «экспертиза» в общественном сознании понимается любое авторитетное суждение, что вряд ли имели в виду авторы Концепции, следует на основе имеющихся в теории экспертизы разработок четко определить это понятие.

2. В концепции просматривается противоречие между глобальными функциями и организационной структурой центра, реализуемой на базе юридического факультета.

Функции центра охватывают, помимо юриспруденции, системы политических, социологических, экономических и других наук и соответствующих видов деятельности, находящихся вне компетенции юриспруденции. Координация и организация взаимодействия юристов с представителями других наук при организации комплексных межфакультетских, межведомственных и международных исследований потребует создания мощной организационной структуры с участием специалистов других базовых наук.

3. В концепции не нашла отражения проблема соотношения и взаимодействия экспертизы права и экспертизы факта, т.е. рассмотренная выше проблема взаимодействия юридического и естественно-технического знания.

Экспертиза нормативных актов, систем и баз данных, предусмотренная концепцией, не охватывает обширного поля экспертных исследований, предусмотренных той же концепцией, представляющих экспертизу факта. Экспертное исследование любой правовой ситуации неизбежно связано с анализом фактической структуры правоотношения, ибо принятие правового решения в конкретных ситуациях всегда опирается (должно опираться) на факты. В противном случае такое решение не будет обоснованным.

Дополнительно следует отметить, что существующая теория и методология экспертизы имеет своим предметом в первую очередь экспертизу факта. Экспертиза

права пока не имеет своей собственной теории и методологии. Несомненно также то обстоятельство, что в общей методологии экспертизы могут и должны быть использованы информационные технологии, разработанные в системе экспертизы факта, на базе учреждений судебной экспертизы.

4. В связи со сказанным своевременно и целесообразно включить в структуру создаваемого центра в качестве самостоятельного подразделения научно-практический центр идентификации (как вариант «судебной экспертизы»), предусматривающий научную разработку экспертных методик, производство комплексных и комиссионных практических исследований и подготовку экспертных кадров высшей квалификации.

* * *

Во всех отраслях и на всех уровнях юридической деятельности необходимо избавиться от иллюзий того, что для построения эффективной правовой системы достаточно создать хороший закон.

Главная парадигма юридической деятельности состоит в том, что ее социальная эффективность определяется не на уровне правотворчества, а на уровне правоприменения, а ее базовый алгоритм - в переходе от нормы как идеальной правовой модели к деятельности по ее реализации.

Разработка методологии правоприменения на всех уровнях правовой деятельности - актуальная задача правовой науки.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Философия права. М., 1999.
2. *Общая теория права.* М., 2008.
3. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008.
4. *Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права / под ред. М.Н.Марченко.* М., 2007.
5. *Проблемы развития процессуального права // Судебная реформа в России.* М., 2001.